

8. Фоменко И.В. Практическая поэтика: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 192 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
10. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 18 т. – М.: Наука, 1977. – Т.7. – 733 с.
11. Goyet F. Le rôle de la «pointe» dans les nouvelles de Tchekhov et Maupassant // Чеховиана. Чехов и Франция. – М.: Наука, 1992. – С.80–87.

И.В. Соловьева

ПОНЯТИЕ КОНТЕКСТА В ЕГО ОБРАЩЕНИИ НА ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Настоящая статья посвящена обсуждению некоторых аспектов, касающихся роли и структуры контекста в герменевтике дискурсивной коммуникации.

В лингвистике и философии языка сложилась традиция увязывать речь с деятельностью по ее пониманию. В той или иной мере интерпретативность представлена в речевой деятельности независимо от того, какое из направлений в пределах лингвистики ее исследует. Это предлагает основу для герменевтического подхода, придает обоснованность присутствию интерпретативности в ходе восстановления смысла, в том числе и в качестве вербального оформления понятого. Герменевтика, таким образом, получает возможность занять до сих пор пустующую «нишу» междисциплинарного основания, способного объединить компоненты философско-методологического направления, логико-философских исследований и когнитивно-психологического направления в лингвистике, так как интерпретация в качестве задачи или метода так или иначе представлена в понятийно-категориальной и методологической составляющих указанных научных направлений, тем более что некоторые центральные категории герменевтики, такие как собственно «понимание», «рефлексия», «интерпретация», «смысл» – с относительно различным содержательным наполнением – присутствуют в терминологической парадигме этих дисциплин.

Понятие контекста, его определяющая роль в коммуникации, широко представлены в классической лингвистике, и вопросы понимания через интерпретацию следует обсуждать с его учетом.

Роль контекста как фактора, позволяющего выявить все нормы и потенции, заложенные в *тексте* как в отдельном фрагменте языковой системы в целом, или определить степень истинности содержащейся в нем информации, уже в герменевтике текста расширяется пропорционально усилению значимости категории понимания, представляющего собой фено-

мен, который связывает содержание сознания каждого человека с содержанием сознания других людей [1: 34], особый способ духовного постижения мира человеком. Несмотря на некоторый романтизм, приведенное определение демонстрирует возможность расширения понятия «контекст текста» путем включения в него «содержания сознания» продуцента и реципиента в качестве экстралингвистического компонента.

Среди наиболее распространенных концепций понимания, учитывающих контекст, наиболее заметны следующие: понимание как декодирование, как перевод на метаязык, как результат объяснения, как оценка, как постижение уникального. Герменевтика – как текста, так и дискурса, использует своеобразное «историческое право», полученное филологической герменевтикой от экзегезы, предлагать свою теорию понимания как интерпретации.

Понимание текста в лингвистике часто предполагает, в силу обусловленности его методологическими пределами того или иного лингвистического направления, ограничение понятия «контекст» пределами самого речевого произведения. Понимание текста регулируется, в числе иных составляющих, совокупностью контекстных компетенций реципиента текста. Психолингвистика трактует контекст интерпретации как механизм постоянного взаимодействия внешнего («текстуального») и внутреннего контекстов [2: 447]. Текст, таким образом, предстает в качестве более широкой смысловой системы относительно слова, и становится тем внешним контекстом, в пределах которого реализуется способность индивида оперировать словом как единицей, опредмечивающей фрагмент его опыта. Это, в свою очередь, обусловлено «присутствием при любом актуальном восприятии базового внутреннего смыслового контекста (образа мира, ментального пространства, концептуальной системы, информационного тезауруса субъекта коммуникации) при факультативности разграничения понятий “значение” и “смысл”, поскольку для носителя лексикона смысл слова слит с его значением» [Ibid].

А.Р. Лурия, в пределах когнитивно-психологического подхода [7], предлагает подробную развернутую картину понимания текста как декодирования. Подробный анализ процесса понимания представлен поэтапным формированием развернутого речевого высказывания, от исходного замысла до развернутого речевого сообщения; от внутреннего смысла будущего высказывания до системы развернутых речевых значений. Как автор, так и реципиент сообщения-текста стоят при формировании его смысла и понимания перед неизбежностью выбора, обусловленного фактом «многозначности значения слова и решающей роли контекста при выборе нужного значения из ряда альтернатив», что «может существенно осложнить процесс понимания речевого сообщения» [Op. cit.: 226]. Выбор реципиентом значений и освоение им смыслов в

процессе понимания текста контекстуально запрограммированы, а границы контекста совпадают с пределами текста.

Обсуждая текст в классическом для лингвистики ключе – как контекст и ситуацию осуществления речевого акта, Г.В. Колшанский полагает, что смысл высказывания не может быть в полной мере реализован вне его, что «все единицы языка – слова, словосочетания, предложения и группы предложений – практически не имеют собственного значения, а каждый раз его получают в новой ситуации, которая, таким образом, становится сама как бы новым языковым образованием» [5: 32]. Речь вновь идет о контексте текстового целого, внутри которого значения языковых единиц разных уровней обретают возможность реализации. Что же касается экстралингвистического контекста, он квалифицируется как «паралингвистические условия, имеющие для обозначения смысла коммуникации лишь вспомогательный и второстепенный характер» [Op. cit.: 33]. Такая позиция является своеобразным знаком времени в лингвистических исследованиях и в данном случае определяется особенностями поставленных задач, не предполагающих выхода за пределы текста в дискурс.

Положительное решение вопроса о принципиальной интерпретируемости (термин В.З. Демьянкова) дискурса как допущении того, что в отношении дискурса интерпретация возможна, дает нам возможность несколько по-иному решить вопросы подхода к контексту в герменевтическом поле при исследовании понимания дискурса. Интерпретация компонентов непосредственно воспринимаемой речи и ситуации трансформирует состав контекста при выборе значений и смыслов, выдвигая на первый план фактор коммуникативности, и, в результате, именно *коммуникативный выбор* в ходе рецепции дискурса определяет ход понимания в его линейном развитии. Вопрос о разности между контекстом текстовых пределов и контекстом, учитывающим речевую ситуацию в качестве решающего фактора, влияющего на коммуникативный выбор при продукции/рецепции речи и ее теоретическом преодолении, может, вероятно, в лингвистическом поле быть решен путем обращения к категории избыточности как явления, сопутствующего реальной ситуации речевого общения, и «обращенного к слушающему, которое должно оцениваться с его точки зрения и с обязательным учетом механизма понимания речи» [3: 250]. Упомянутый здесь «учет механизма понимания речи» становится возможным *только в процессе сознательной реализации реципиентом интерпретационного усилия* в ситуации говорения. Мы не обсуждаем здесь избыточность в том виде, в каком ее представляет К. Пайк в известном исследовании [11], – паралингвистическая составляющая ситуации речевого общения оставляется нами вне пределов обсуждения как проблематичная для лингвистико-герменевтической верификации.

Однако, так как дискурсивная коммуникация, в отличие от текстуальной, реализуется в пространстве, состоящем из «представлений о постоянно увеличивающемся числе сфер человеческой деятельности, для каждой

из которых характерен типовой набор социальных ситуаций и дискурс, как особая разновидность речевого поведения – модели коммуникации со своими социокультурными и прагматическими признаками (целями и мотивами, хронотопом, типами участников, стратегиями вербального и невербального взаимодействия, жанрами речи и т.д.)» [4: 105], интерпретация и понимание дискурса несколько меняют свою конфигурацию вследствие изменения внешних факторов влияния на речь, чем объясняется учет понятия «контекст» в дискурсивной коммуникации. Ситуация говорения как непосредственный экстралингвистический контекст дискурса, в том числе и дискурса художественного текста, становится событием, феноменально перевыраженным в речи. Фактор сосуществования при понимании дискурса рефлексии, понимания, интерпретации, одновременность протекания процессов его формирования, рецепции и понимания, обуславливает необходимость *включения ситуации* говорения/чтения/восприятия на слух в состав контекста, а возможность коммуникативных выборов ставится в полную зависимость от качества интерпретативного усилия реципиента дискурса в ситуации непосредственной коммуникации.

Понимание дискурса более полно, нежели понимание текста, реализует классический принцип линейности означающего, сформулированный Ф. де Соссюром: «Означающее, будучи свойством слухового (аудитивного), развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно представляет протяженность, и б) эта протяженность лежит в одном измерении: это линия» [8: 81]. Этот принцип относится в равной мере ко всем уровням языка, и Ф. де Соссюр полагает, что он является основой всего речевого механизма на всех его уровнях, от фонетического до синтаксического. Идеальные составляющие речи – значимости – также реализуются в их опоре на протяженность: «Находясь в синтагме, элемент языка получает значимость лишь в меру своего противопоставления предшествующему или последующему, или же тому и другому» [Op. cit.: 121]. Дискурс линейно развивается только в соответствующей ситуации его непосредственного восприятия.

Следовательно, полем для дальнейшего развития представлений о контексте в герменевтике дискурса, как нам представляется, является формирование контекстуальных связей комбинированного типа, лежащих на грани между языком и речью, и в линейном режиме реализуемых в ситуации общения: в пределах любых синтагматических и ассоциативных отношений в речи/языке. Включение речевой ситуации в контекст предоставляет реципиенту дискурса не только возможности для опознавания языковых значений, закрепленных за множеством синтагм (более подробно об этом см.: [Op. cit.: 122–123]), но и дает ему ограниченную, на наш взгляд, лишь фактором адекватности при понимании и интерпретации, личную свободу, основывающуюся на сформулированных Соссюром двух свойствах ассоциативного ряда: относительной неопределенности порядка и безгранич-

ности количества сосуществующих в речи формальных и идеальных единиц языка.

В качестве одной из своих практических задач, исходя из представления о коммуникативной природе контекста дискурса и его решающей роли в процессе продукции/рецепции, герменевтика дискурса может решать вопрос о формах представленности экстралингвистической ситуации в речи. Некоторые попытки усмотреть следы ситуации речевого события в дискурсе предпринимаются в лингвистической прагматике.

Примером такого рода усилий может служить выявление дискурсивных маркеров социальной ситуации или сопутствующего ей явления. Так, И.С. Черватюк предпринимает попытку вычленения в дискурсе маркеров власти в качестве показателей статуса коммуниканта и делит дискурсивные инструменты власти на несколько групп: 1) маркеры мониторинга дискурса: инициирование общения, введение новой темы, завершение, прерывание, передача голоса другому коммуниканту, право ограничения длительности высказывания, и т.д.; 2) стилистические маркеры, в число которых входят речевые показатели институционального или межличностного характера дистанции, средства выражения иронии, сарказма и т.д.; 3) речеактовые маркеры – директивы, советы, похвалы и т.д.; 4) манипулятивные маркеры – как, например, уклонение от ответа или сокрытие информации; 5) этикетные маркеры, дающие возможность судить о распределении социальной и коммуникативной власти в ситуации, как, например, право не отвечать на приветствие, 6) невербальные – просодико-интонационные, жестовые, проксемические [10: 59–60].

Подобным образом строят свои исследования Э. Линнас [6], исследующий компоненты ситуации коммуникации в дискурсе политических СМИ, и А. Филинский [9], который рассматривает формы репрезентации социокультурных схем в дискурсе и полагает возможным «перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников политического дискурса» [Op. cit.: 9]. Тем не менее, эти попытки носят скорее характер безинтерпретативного усмотрения в речи жанровых и смысловых *следов* ситуации и констатации лишь факта представленности экстралингвистической ситуации в дискурсе, нежели определения тех собственно речевых оснований, на которых соответствующие смыслы могут быть восстановлены.

Идея коммуникативности дискурсивного контекста состоит в решающей роли ситуации восприятия речевого произведения и ее существенном влиянии на характер коммуникативного выбора как при выстраивании стратегий продукции речи, так и при ее интерпретативном понимании. Социальный/ситуативный фактор, исследование которого не входит непосредственно в круг лингвистических задач, может – и должен – быть опосредованно представлен в речи и, в результате, усмотрен реципиентом в дискурсе в качестве опредмеченного смысла. Так как ситуация речи является избыточной по отношению к содержанию и форме дискурса, она мо-

жет быть представлена в речи также избыточными компонентами на любом языковом уровне.

Фиксация рефлексии при усмотрении маркированных как избыточные речезыковых фактов любого уровня становится основой для интерпретации с целью понимания. Таким образом, одной из собственно герменевтических задач является интерпретация, основанная на усмотрении *лингвистически реализованной речевой составляющей* события – акта коммуникации. Экстралингвистическая составная сложна, она может быть представлена в дискурсе непрямо, и, тем не менее, герменевтика обладает инструментарием вычленения включенного в дискурс экстралингвистического контекста как ситуационного компонента речи, поскольку фиксация и пробуждение рефлексии возможны на основе любого речевого компонента, а процесс понимания дискурса через его интерпретацию способен обеспечить его лингвистическую верифицируемость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Герменевтика и подготовка филологов // Понимание и рефлексия: Материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций.– Тверь: Твер.гос.ун-т, 1992. – Ч. 1. – С. 34–38.
2. Залевская А.А. Взаимодействие смысловых полей слова и текста // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – С. 446–450.
3. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. – М.: Просвещение, 1967. – 338 с.
4. Ильинова Е.Ю. Дискурсивное уподобление в смысловом пространстве художественного текста // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 105–115.
5. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
6. Линнас Э. Ф. Критический анализ дискурса политической полемики (на материале электронных СМИ): Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006. – 165 с.
7. Лурия А.Р. Понимание компонентов речевого высказывания // Язык и сознание / Ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – С. 217–226.
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: Пер. с франц. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
9. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 163 с.
10. Черватюк И.С. Дискурсивные маркеры власти // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С.58–66.
11. Pike, K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. – The Hague; Paris: Mouton, 1967. – 762 p.